

Вера

Крещение Руси.
В. М. Васнецов. 1890

Дмитрий Володихин,
доктор исторических наук

Как святые меняли историю

Мы часто слышим о том, какую роль сыграл для Церкви и верующих тот или иной святой. И гораздо реже говорим о значении праведников не только для внутрицерковной жизни, но для судьбы целой страны и всего народа. Годы атеистической власти вычеркнули из учебников истории имена и подвиги многих святых, определивших или изменивших путь России. О том, как восполнить эти пробелы, ученые говорили на круглом столе, который провел в августе в Арзамасе фонд «Фома Центр».

За десять веков существования Русской Церкви, от Крещения Руси до 2000 года, она прославила в лике святых около 300 человек. С 2000 года к ним добавилось еще более тысячи, главным образом, новомучеников и подвижников XX века.

Некоторые из них известны каждому православному в нашей стране — как, например, Александр Невский, Сергей Радонежский, Серафим Саровский. Имена других знакомы лишь узкому кругу людей.

Но во всех случаях личность, канонизированная нашей Церковью, — образец какой-либо христианской добродетели и победы над грехом.

Истребители греха

О том, как русские святые распределяются по разным типам проявления их святости, то есть «по чинам», написано очень много. Историк Церкви Георгий Петрович Федотов создал классическую книгу, посвященную этому: «Святые Древней Руси».

Всегда и неизменно в духовном служении святых видели прежде всего утверждаемую добродетель. Для богословия и для истории Церкви это естественный подход.

А вот если взглянуть на судьбы русских святых в контексте гражданской, или, используя не совсем корректный термин, «светской» истории, появится возможность и другого подхода.

За долгие века своей жизни русский народ испытывался разными искушениями. Речь идет о тех соблазнах, которые становятся массовыми благодаря природным условиям, устройству власти, каким-либо порокам культуры. Иными словами, об изъянах общества, ведущих к страшной концентрации какого-либо греха. Под их воздействием этот грех становится черным знаменем эпохи.

И вот тогда, именно тогда Господь посылал народу большого святого. Этой личности порой приходилось жестоко страдать, оставлять дом и привычный уклад ради дальних странствий, а то и жизнь терять во имя прочного стояния в вере. Но народная масса, вглядываясь в нравственный пример Божьего посланника, начинала медленно отходить от какого-то общего великого греха. Изживать его. Или хотя бы оставлять на долгое время...

Святой, таким образом, принимал на себя роль истребителя греха.

Так случалось с древних времен. От начала Руси.

Здесь мы приведем лишь несколько (из сотен возможных!) примеров того, как святой мог изменить не только свою душу, но и свое время, и свою страну.

Мститель, гнев и гордыня

СВЯТАЯ РАВНОАПОСТОЛЬНАЯ КНЯГИНЯ ОЛЬГА

Одна из древнейших русских святых, княгиня Ольга, считается равноапостольной. Иными словами, она учила свой народ христианской вере, как учили когда-то апостолы.

Но душа ее прилеплась к Христу лишь после того,

как Ольга совершила чудовищный грех, который на Руси времен язычества считался... доблестью.

После того как народ древлян убил ее мужа Игоря, княгиня жестоко отомстила. Она с дикой свирепостью губила древлянских послов, а затем спалила древлянскую столицу — город

И одно только смирение оставалось княгине, когда-то горделивой мстительнице.

▲ Княгиня Ольга посещает
Константина VII Багрянородного.
Книжная миниатюра.
Византия, XII в.

Искоростень. Лишь после того Ольга вдоволь насытилась своим мщением.

Бояре киевские, дружина, да и простой люд словословили ей: «Молодец наша княгиня! За супруга своего целую страну умыла кровью! Гордая! Силу показала!» Такою была общественная норма в ту пору. И даже писаный закон, который появится через несколько десятилетий, и тот разрешал кровную месть. Разве что несколько ограничивал ее...

А с христианской точки зрения в мести ничего доброго нет. Если христианина ограбили, если убили близкого ему человека, если с ним поступили несправедливо, он должен обращаться за правдой к власти и уповать на помощь Господа. В Послании к римлянам апостол Павел говорит: *Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию* (Рим 12:19), — а значит, не давайте воли собственному гневу. Месть — одна из производных от гордыни, а та — истинная мать множеству грехов.

Минуло несколько лет со времен расправы над древлянами. Ольга отправилась в Константинополь — столицу Византии, христианской империи. Летопись не называет причин, по которым Ольга решила посетить великий город. Они могли быть разнообразными: от необходимости обновить договор, заключенный покойным Игорем, до поиска выгодного брака для сына или еще кого-то из родни. Греческие источники свидетельствуют, что Ольгу сопровождал племянник (двоюродный брат?) и 43 купца. Это наводит на мысль о переговорах по торговым делам и о подборе знатной невесты племяннику. Между двумя странами шла оживленная торговля, велись переговоры о найме дружин для использования их на полях сражений Империи, составлялись договоры о действиях против общего врага — Хазарского каганата. Очевидно, накопились дела, для урегулирования которых понадобился столь высокий гость.

Но главным результатом ее визита стали вовсе не новые договоренности, а принятие Ольгой Христовой веры.

Искала ли Ольга крещения в Константинополе? Вряд ли. Во всяком случае, это не могло быть главной причиной ее визита. Стать христианской она могла, не покидая «стольного града», — отыскался бы священник. На Русь христианство начало проникать как минимум со второй половины IX века. Другое дело, что в самом Константинополе Ольга могла проникнуться доверием и восторгом в отношении Христовой веры. Богослужение в святой Софии, одном из прекраснейших храмов мира, да хотя бы одно пребывание под ее сводами, могли способствовать подобному движению души. Могло быть и по-другому: Ольга приняла крещение, желая использовать этот шаг в какой-то сложной политической игре. Остался лишь намек на реальную дипломатическую интригу: щедро одарив Ольгу, император попросил ее прислать воинов, но та отказала.

Вот только... вернулась в Киев Ольга уже совсем другим человеком. Гнев, мстительность, гордыня отлетели от нее. Для Ольги крещение не стало пустой формальностью. Она отдалась новой вере всем сердцем.

Обычно в таких случаях примеру властителя следуют его слуги, приближенные и родня. Вернувшись домой, княгиня почувствовала, что становится образцом для подражания. Тогда она попыталась учить тех, кто прислушивался к ней, христианству. Русский закон не возбранял принимать крещение желающим. Однако языческая среда издевалась над ними, называя их веру «уродством».

Как поступить? Мучить подданных? Мстить им за непокорство?

Невозможно. Христова вера — путь смирения. Для всех, в том числе и для венценосных особ. И одно

только смирение оставалось княгине, когда-то горделивой мстительнице.

Больше всего горечи доставил княгине ее собственный сын Святослав. Ольга приступала к нему с увещеваниями. Она желала, чтобы князь разделил с нею радость, полученную вместе с крещением. Но тот отвечал: «Да надо мною дружина станет смеяться!» Княгиня парировала: «Ты крестишься, так и все крестятся вслед за тобой». Но тот решительно отвергал все ее уговоры, предпочитая оставаться язычником.

Что ей оставалось? Летописец с грустью говорит о тщетных попытках Ольги переубедить сына: «Ольга любила... Святослава и говаривала: “Да будет воля Божья; если захочет Бог помиловать род мой и землю Русскую, то вложит им в сердце то же желание обратиться к Богу, что даровал и мне”. И, говоря так, молилась за сына и за людей всякую ночь и день, воспитывая сына до его возмужалости и до его совершеннолетия».

Молитвы Ольги не останутся неслышанными. Христианство встанет на Руси твердой ногой, правда, не при сыне ее, а при внуке. Но она этого уже не увидит. Не даст ей Бог увидеть плоды смирения на земле, разве только на небесах.

Прошли века, и кто ныне с восторгом примет повествование о жестоком убиении древлян? А вот о том, что Ольга смиренно принесла крест на землю свою, да, об этом помнят с теплом сердечным.

Языческие доблести сначала убавили в цене. А потом и вовсе сделались вещами неодобрительными — когда сами русские князья отказались от них, как от большого зла.

Блуд

Еще один равноапостольный святой Древней Руси — Владимир, великий князь киевский. Внук Ольги.

Он крестил Русь, а прежде крестился сам.

Но для того чтобы жить по-христиански, князь должен был в самом себе искоренить страшный порок.

К тому времени, когда Владимир начал задумываться о христианстве, он обзавелся пятью женами и несколькими сотнями наложниц, всегда ожидавшими его визита в селлах под Киевом!

Языческое общество не видело тут ничего предосудительного. Наоборот — отлично! Князь должен быть богат, щедр, храбр, горд, могуч в бою и на ложе. Дети его — все равно что выигранные бои!

А христианство не позволяет быть более чем с одной супругой. И не мощью стра-

стей любитесь оно между мужем и женой, а любовью и милосердием...

Владимир твердо знал выгоды от принятия христианства.

Во-первых, в семье князя уже имелся удачный опыт крещения. Бабка Владимира Святославича, княгиня Ольга, приняла его, а примеру госпожи, очевидно, последовала и ее свита. Значит, для киевской знати Христова вера — дело привычное. Во-вторых, князя Владимира интересовал стра-

тегический союз с Византией. Добрые отношения с громадной греческой державой давали гарантию лучших условий для русской торговли. В-третьих, из всех соседей самые впечатляющие культурные достижения могла продемонстрировать та же Византия и связанный с нею мир южных славян.

Но ко всей пользе добавлялось одно великое неудобство. Как соблюсти ему законы новой веры, когда Бог разрешает христианам иметь всего одну жену? Немыслимое дело! Можно ли великому вождю, князю, яростному воину обходиться одной женщиной?!

До сих пор его действия были политикой дикого зверя — сильного, умного, безжалостного. Такого любит и уважает дружина, такого враги боятся. Но если он откажется от всех женщин в пользу одной, разве не воспримут враги и друзья такой шаг как проявление слабости? Разве не пошатнется его власть над Киевом и всей Русью? Ведь что подумает дружина! «Если он пренебрегает прочими женщинами, не значит ли, что его оставили сила и удача? И как тогда храбрым и могучим воинам признавать его своим вождем? Ему не будет счастья ни в бою, ни в делах правления...»

Эти мысли, вероятно, долго мучили его.

Вот уже заключен договор о союзнничестве с Византийской империей, вот уже князь Владимир отправил ей многотысячное войско. Оно спасло державу греков: с его помощью удалось подавить страшный мятеж. Но ради укрепления союза великий князь изъявил желание взять в жены византийскую принцессу Анну. Брак с христианкой ➔

Крещение великого князя Владимира. А. И. Иванов. 1829

мог быть заключен лишь в одном случае: если сам Владимир Святославич примет христианство. А вместе с тем откажется от старых жен и наложниц.

Из Константинополя прибыл в Киев священник, совершивший обряд крещения. Новообращенный получил христианское имя Василий. Вместе с ним приняли новую веру дети, жены, слуги, часть бояр и дружинников.

**И вот проявляется игумен,
который не ищет ни
сладких яств, ни дорогих
одежд, ни возвышения.
Ходит в старенькой ряске,
ест, что подадут**

Но и тогда Владимир не расстался со своими любимыми женами. Уже крещеный — он всё не мог решить, как поступить с ними!

Между тем невесту не спешили отправлять из Константинополя. Русский князь хоть и крестился, а все же оставался в глазах византийцев диким человеком. Этот «косматый варвар» уже выполнил свои обязательства. Отдавать ему обещанную принцессу, девицу императорской крови, теперь казалось унизительным.

У князя Владимира оставался лишь один вариант, как получить свое по соглашению, оплаченному воинской помощью. Он осадил и взял Херсонес — большой греческий город в Крыму, развалины которого лежат ныне в городской черте Севастополя. Будучи женатым на нескольких женщинах сразу, он бился за то, чтобы взять еще одну супругу! История, невозможная в наше время.

Печально, что мир между христианскими правителями удалось заключить лишь после того, как одна сторона пошла на обман, а другая добилась своего силой. По мирному договору, Византия вернула себе Херсонес, а Владимир все же получил Анну в жены. Ею расплатились за богатый город.

Вернувшись в Киев, князь ниспроверг языческих идолов, а потом крестил свой народ в реке Почайне, у впадения в Днепр. Христианство широким потоком разливалось из Киева по всей Руси: Новгород, Полоцк, Смоленск, Чернигов. Киев сыграл тогда роль узкого канала, по которому христианское море текло на Русскую землю. Эта высокая судьба на веки вечные короновала город золотым венцом.

Но... именно тогда, по возвращении в Киев, во весь рост встал вопрос: куда девать огромный гарем князя? Оттягивать решение Владимир больше не мог. Итак, он объявил Киеву слово правителя: подобает христианину иметь одну жену, и князь останется с Анной. Остальным женам Владимира

пришлось его покинуть. Некоторые из них, молодые красавицы, вышли замуж вновь, найдя супругов среди киевской знати. Другим гордость не позволила после князя делить ложе с мужчинами более низкого звания. Они приняли монашеский постриг.

И не рухнула власть князя, даже не пошатнулась. Узел, казавшийся неразрешимым, вмиг ослаб и сам собой развязался.

После Крещения Руси Владимир княжил еще четверть столетия, сохранив энергию как политик и полководец, но избавившись от прежней своей жестокости, покончив с распутием.

Стяжательство

XIV век в истории Руси — чуть ли не самое нищее время. Гроздь городов, выросших вокруг древних Ростова и Суздаля, испытывала недостаток во всем. Мало хлеба. Мало серебра. Мало людей, в конце концов, — чудовищная эпидемия чумы и татарские набеги опустошили страну. Горе и бедность гуляли по дорогам Святой Руси в ту пору.

Казалось бы, откуда взяться стяжательству, когда последняя рубашка, и та — дырява?

Но знать того времени упорно подсчитывала, сколько перейдет к наследникам золотых поясов, серебряных тарелей, драгоценной одежды, да сколько сёл удалось отобрать у соседей. Вроде бы какой грех в хозяйственной смекалке? Растет доход, так что тут скверного?!

Вот только... как бы не превратился весь этот счет скудных денежек в болезненную страсть. Есть уже

*Труды преподобного Сергия. М. В. Нестеров.
Центральная часть триптиха. 1896*

первые признаки, и где они проступают? В монашестве! В той среде, которая от начала своего на Руси твердо держалась бесребреничества, избегала комфорта и благ земных.

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

А тут...

В одной обители — разные кельи: ветхая хибарка соседствует с просторным теремом! И питаются монахи не сообщая: кто-то трапезует медовыми пряниками да белорыбцей, а кто-то грызет заплесневелые сухарики. И одеваются, и трудятся — всё по-разному!

Так зачем идут во иноки «ленивые богатины»? На старости лет в покое и роскоши провести остаток дней? Духовную карьеру сделать — епископом сделаться или хотя бы игуменом?

Но зачем монаху медовая коврига и духовная карьера? Он же мертвец. Он умер для мира, дабы молиться Богу за себя, за ближних и спасать душу... Стяжательство, проявившееся среди иноков, — симптом большей и очень опасной болезни всего общества.

И вот появляется игумен, который не ищет ни сладких яств, ни дорогих одежд, ни возвышения. Ходит в старенькой ряске, ест, что подадут, на руках у него — мозоли от простого плотницкого топора. Покуда не стали к нему за монашеской наукой приходить иные люди, жил в дебрях лесных один и вся его братия была — серые волчищи.

Таков Сергей Радонежский.

Отпрыск боярского рода из Ростова. Даже обеднев, люди столь высокой крови могли рассчитывать на высокое положение при дворе у какого-нибудь князя. Им бы дали добрую службу, обеспечили бы жизнь безбедную.

А Сергей — в лес, на снедь дикому зверю.

Но ведь увидела Русь смысл в этом его поступке! Ученики к нему пошли — тоже не из голи перекатной, а из больших людей. С течением времени от обители Сергея разошлись они по «благоуханным дебрям» Московской Руси и Русского Севера, ставя монастырьки в местах глухих и отдаленных, жили в чащобе, на пустынных островах, в холоде и голоде... Но бывали счастливы. В бедности, от всего отказавшись, не зная, даст ли Господь им на завтрашний день кусок хлеба, славили Бога, радовались жизни такой.

Не один человек последовал нестяжательскому примеру преп. Сергия, не десять и не сто, но тысячи. Сам русский характер, кажется, переломился от одного знания, что такой человек существует.

Жестокосердые

Церковь на Руси переживала разные времена. Монаршая власть московская и Митрополичий дом долго, трудно, в спорах и примирениях строили отношения между собой. Менялись люди на московском престоле и на митрополичьей кафедре. Церковь понемногу уступала светским правителям политическую силу и власть над многими делами, исстари пребывавшими в ее ведении. Порой она страдала от самовластия московских государей. В иные времена жила с ними в «симфонии» — добром мире и соработничестве.

Но всегда и неизменно за нею признавалось право духовного пастырства по отношению к людям, восходившим на трон. Никакой закон не ограничивал власть московских самодержцев. Однако они так же, как и любой из их подданных, должны были предстать после смерти перед Высшим Судией и ответить за грехи, совершенные при жизни. Государь — такой же христианин, как и все подвластные ему христиане. Государь обязан соблюдать Заповеди Господни с той же строгостью, что и последний нищий на храмовой паперти.

СВЯТИТЕЛЬ ФИЛИПП

Вот об этом Церковь и должна была напоминать самовластным правителям. Даже если за такое напоминание приходилось расплачиваться властью, свободой, жизнью...

Митрополит Филипп заплатил эту цену. Грозного, неистового царя Ивана Васильевича

он не побоялся пасти посохом железным и тем вошел в народную память.

Митрополит Филипп облачает Ивана Грозного. Я. П. Турлыгин (1857-1909)

До Ивана Грозного Русь не ведала, что политические проблемы можно решать с помощью массовых казней. Нельзя сказать, чтобы они находились на периферии политической культуры. Нет, неверно. Они просто не допускались.

Никакая «азиатчина», «татарщина» и тому подобное не втащили на русские земли пристрастие к такого рода действиям. Русь знала Орду с середины XIII века. Но свирепости от Орды не научилась. На войне, в бою, в запале, в только что взятом городе, когда ратники еще разгорячены недавнею сечей, — случалось разное. Крови хватало. А вот по суду или даже в результате бессудной расправы, связанной с каким-нибудь «внутренним делом»... нет. Никаких признаков.

Можно твердо назвать дату, когда массовые репрессии вошли в политический быт России. Это первая половина — середина 1568 года. И ввел их не кто иной, как государь Иван Васильевич. ➔

Алексей Михайлович и патриарх Никон перед гробницей святителя Филиппа. А. Д. Литовченко (1835-1890)

**Он был для
«просвещенного века»
словно игла в подушке —
мешал благодушно
задремать под сенью
обленившейся веры.**

Его современники, его подданные были смертно изумлены невиданным доселе зрелищем: слуги монаршие убивают несколько сотен виноватых и безвинных людей, в том числе детей и женщин! Несколько сотен. На тысячи счет пойдет зимой 1569-1570 года. А пока — сотни. Но и это выглядело как нечто невероятное, непредставимое. Царь устроил настоящую революцию в русской политике, повелев уничтожать людей в таких количествах...

Для XVI века не 4000, и даже не 400, а всего лишь 100 жертв репрессий — и то слишком много. Далеко за рамками общественной нормы.

Скорее всего, это государево нововведение было заимствовано из Западной Европы. Там длилась и длилась бесконечная эпоха религиозных войн.

Масштабное пролитие крови стало для европейцев делом привычным...

В 1566 году митрополитом Московским и всея Руси стал Филипп, бывший игумен Соловецкого монастыря. Царь дал ему право «печаловать-ся» о судьбе осужденных на казнь. Долгое время отношения главы Церкви и главы государства были добрыми. В одном из посланий к братии Соловецкого монастыря митрополит просил молиться за государя и его семью.

Но с течением времени монарх все реже прислушивается к голосу Церкви. Позволив митрополиту вступаться за опальных, царь впоследствии нарушил свое обещание.

Расследуя дело конюшего И. П. Федорова, одного из первых лиц в государстве, царь первый раз применил массовые казни. Пострадало множество людей невинных — насельников во владениях вельмож, их слуг, членов семей... Московская Русь такой крови не знала. Страна зашаталась, людей разделили злоба, гнев и печаль.

Митрополит Филипп уговаривал Ивана Грозного, «дабы государь престал от такого неугодного начинания Богу и всему православному христианству. И воспомяну ему Евангельское слово: «Аще царство на ся разделится — запустеет». И ина многа глагола со многими слезами...». Не добившись своего, позднее митрополит обличил царя прилюдно: «Мы убо, царю, приносим жертву Господеви чисту и бескровну в мирское спасение, а за олтарем неповинно кровь лиется христианская и напрасно умирают!» Он публично отказал царю в благословении, призывая Иван Васильевича прежде простить «согрешающих» ему. Как «пастырь добрый» Филипп готов был «душу свою положить за овец».

Его противление нехристианскому жестокосердию Ивана IV вызывало царский гнев. Иван Васильевич настоял на свершении суда над митрополитом. Архиерейские одежды были насильно сорваны с него прямо в храме, во время богослужения, и заменены на рваную рясу. Некоторые мужественные иерархи противилось суду, а когда, под давлением царя, на основе клеветнических показаний Филиппа все-таки признали виновным в «порочной жизни», они не позволили сжечь его. Смертная казнь была заменена ссылкой в тверской Отроч монастырь. Там в 1569 году его тайно убил Малюта Скуратов.

Казалось бы, где тут духовная победа митрополита Филиппа? Казней он не остановил, да и себя не сберег.

Но после него Россия жила, помня: никто не освобожден от греха жестокосердия, никому не прощительно беспощадное душегубство. Даже государю. Должно было прозвучать слово правды, и оно прозвучало.

Неверие

XVIII век и начало XIX принесли России великую шаткость в вере. Церковь ослабела.

Высшие сословия увлеклись вольнодумством, философией и масонством. Простой народ потёк в секты, да и просто отпадал от храма, ибо видел униженное состояние собственных священников и с каждым годом всё менее почитал их.

Обсуждать дела веры как нечто значимое, видеть в религии не просто нравственную обязанность,

а общение с Богом, сделалось как-то... неудобно. «Не для серьезных людей». Из христианства стремительно вымывался мистический пласт, растворялась сама идея о сверхъестественном вмешательстве Бога в дела человечества.

И вдруг является преподобный Серафим Саровский.

Он был для «просвещенного века» словно игла в подушке — мешал благодушно задремать под сенью облившейся веры.

Святой Серафим вышел из затвора в ветхом возрасте. Он врачевал тела и души всего лишь 8 лет — между 1825 и 1833 годами. Но слова его и поступки быстро разносились молвою по всей России.

Ему дан был от Бога дар заглядывать в души и давать

спасительные советы. Тем, кто приходил к нему, старец, бывало, говорил немало горького о скверне в их душах. Те плакали и слезами очищались.

На вопрос собеседника о том, каким образом он может, даже не выслушав нужды странника, провидеть его сердце, старец говорил: «Как железо ковачу (кузнецу. — Д. В.), так я передал себя и свою волю Господу Богу: как Ему угодно, так и действую; своей воли не имею, а что Богу угодно, то и передаю». По его словам, сердце человеческое открыто одному Господу. «А я, грешный Серафим, — говорил старец, — первое помышление, являющееся в душе моей... считаю указанием Божиим и говорю, не зная, что у моего собеседника на душе, только верую, что так мне указывается воля Божия для его пользы».

Посетители старца многое множество раз убеждались: Бог даровал Серафиму силу знания их самых потаенных чувств и мыслей. А когда старец предсказывал то, что должно

произойти в будущем, слова его непременно сбывались.

Другой его дар — исцеление от тяжких недугов, с которыми не мог справиться никакой лекарь. Серафиму же хватало для врачевания одной молитвы...

Преподобный Серафим стал живым напоминанием о том, что в мире существуют не только физика, химия, биология, но и нечто более высокое, несводимое к науке и не постигаемое ею. Нечто, к чему можно прийти только путем веры. **ф.**

При реализации проекта использованы средства государственной поддержки (грант) в соответствии с Распоряжением Президента Российской Федерации от 29.03.2013 № 115-рп.

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ САРОВСКИЙ

Император Александр I у преподобного Серафима Саровского. С картины нач. XX в.

реклама

тел.: (4822) 60-22-21
факс: (4822) 35-42-82
www.nilova-uv.ru

НОВАЯ МАСТЕРСКИЕ

МОНОТИПЫ
НИЛОВА-УВ
ПЕЧАТНИ

предлагают широкий выбор изделий
православной тематики из серебра 925 пробы
с глубоким золочением и ручной доработкой деталей